

УДК 908

DOI: 10.15393/j14.art.2021.162

Статья

Кутьков Николай Петрович

Независимый исследователь, краевед
Петрозаводск, Россия;

Лицейский тулупчик 1812 г. — сюжетообразующая деталь повести «Капитанская дочка»

Аннотация. Триггер сюжета повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкина — история с заячьим тулупчиком. Есть основания утверждать, что в данном случае Александр Сергеевич Пушкин воспользовался фактом из собственной биографии. Обнаружено документальное свидетельство о дорожных тулупчиках, сшитых специально для учащихся Лицея в конце лета 1812 г. перед планировавшейся эвакуацией в столицу Олонецкой губернии — г. Петрозаводск. Важна также дата, обозначенная рукой Пушкина на белом экземпляре повести: «19 октября 1836 г.». Двадцатипятилетняя лицейская годовщина — прямое указание на время начала обучения Александра Пушкина и его товарищей в Царском Селе и на события 1812 г. Поэтому замысел повести можно трактовать как сопоставление активных действий в периоды восстания Пугачева и нашествия Наполеона. Такие параллели уже проводились в русской публицистике после Отечественной войны 1812—1814 гг. Поэтому симпатии и антипатии Пушкина в отношении неоднозначного образа казачьего атамана можно рассматривать на фоне его ранних и зрелых представлений о столь же неоднозначном просвещённом «самовластительном злодее» — покорителе Европы Наполеоне.

Ключевые слова: А. С. Пушкин; повесть «Капитанская дочка»; деталь сюжета; Пугачев; Наполеон; сюжетные параллели

Никто не будет спорить, что отправным пунктом, триггером сюжета в повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкина служит история с заячьим тулупчиком. Длинная дорожная шуба с большим отложным воротником, подаренная неизвестному бродяге на постоялом дворе, многократно влияла на дальнейшие события повести. Этот дар вызвал цепь ответных и неожиданных благодеяний со стороны «царя Петра III» — от овчинного тулупа и ответной полтины до самого щедрого: дарования жизни.

Е. В. Хамицевич (1: 150) предположила потаённый смысл в самом материале, из которого были изготовлены одна и другая шубы. Овчинная (овца — символ смирения и кротости) противопоставлена заячьей (лесной зверек в народных поверьях персонифицировался с нечистой си-

лой). Однако чистосердечное подношение Петруши Гринева при всем желании никак не связать с каким-то знаком или влиянием нечистой силы, а ответный жест Пугачева совсем не связывается с кротостью и смирением его прежнего владельца. Здесь имеет значение только цена меха, идущего на подбивку тулупа. Самый дешёвый мех для шубы — овчина. Его обыкновенно не крыли сукном, носили нагольным. Такие пахучие шубы, так как выделка обычно была примитивной, принадлежали крестьянам и небогатым мещанам. Сразу приходит на память горестный вопль тульского Левши из сказа Лескова: «У него хоть и шуба овечкина, да душа человечкина!». Впрочем, вплоть до XX века (времени торжества дубленок) души тех, кто носил овчинные шубы, мало кого интересовали, разве только в качестве ревизских: податных налогоплательщиков. Потому дар Пугачева вполне соответствовал его действительному, отнюдь не царскому, статусу. Стоила такая шуба в те времена чуть более одного рубля.

Люди позажиточнее обязаны были иметь зимний гардероб — тулупы и шубы — ранжиром повыше: от заячьих и беличьих до бобровых и даже собольих. Тяжелые волчьи и медвежьи шубы мехом наружу мужчины могли надевать лишь в дорогу, ходить в них было затруднительно. Меховые шубы, как правило, крыли сукном того качества, какое позволял кошелек владельца. Кроме тулупа родители Петруши Гринева снабдили его в дорогу богатой 40-рублевой лисьей шубой, крытой дорогим алым ратином.

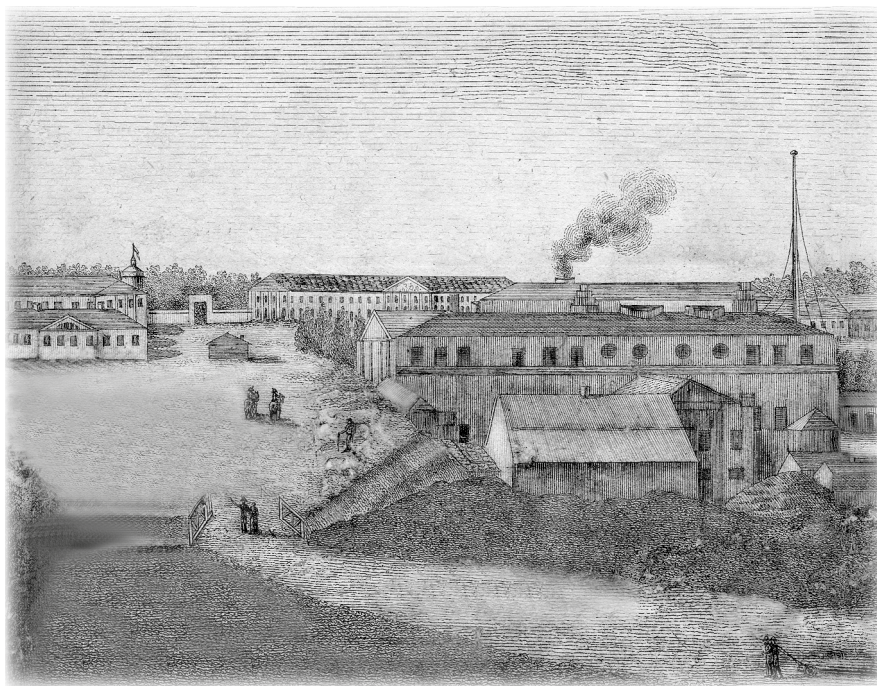
*Кадр из фильма «Русский бунт» (1999).
Экранизация повести «Капитанская дочка»*

Тринадцатилетний Александр Пушкин также имел самый незамысловатый из «дворянских» тулупчиков — китайчатый на овечьем меху, каковые летом 1812 года были пошиты всем его однокурсникам по Царскосельскому лицу.

Не просто тулуп, а пружина сюжета

Виктор Шкловский обосновал версию появления в повести заячьего тулупа результатом знакомства Пушкина с исторической книгой «Ложный Петр III» (1: 344). Во втором томе данного издания в одном из подробных реестров, засвидетельствовавших многочисленные реквизиции пугачевского воинства, действительно есть упоминание о заячьем тулупе, отнятом у какого-то бедного дворянина. Пушкин, скорее всего, был знаком с этой книгой. Более того, упомянутый эпизод мог воскресить в памяти его собственные юношеские воспоминания, связанные с такой же вещью в подобной же ситуации. С известной долей вероятности можно утверждать, что Пушкин воспользовался фактом собственной биографии. В пользу этого говорит конкретное наблюдение: в повести речь идёт о «детском тулупе», то есть сшитом в ту пору, когда Петруша ещё гонял голубей да играл в чехарду с дворовыми мальчишками. Не мудрено, что одёжка затрещала на плечах совсем не дородного («росту среднего, худощав и широкоплеч») вожатого. Подчёркивание этой, казалось бы, не слишком существенной, детали требует объяснения, учитывая необыкновенную экономию слов и подробностей, которая присуща пушкинской прозе.

Записки барона М. А. Корфа свидетельствуют: «Под осень (1812 г.) нас стали собирать в поход. Явился Мальгин (царский портной) примерять нам китайчатые тулупы на овечьем меху. Лицей собирались перевести в Архангельск или Петрозаводск, так как ждали французов в Петербург» (2: 104). Важно отметить, что упомянутая экипировка лицейстов напрямую связана с во-

Вид центральной части Петрозаводска в начале XIX в.

енной угрозой мирному населению Петербурга. Дорожные тулупчики, сшитые по индивидуальным меркам, нужны были для предполагаемой эвакуации учебных заведений в губернский город на Онежском озере. Туда, как известно, были вывезены 205 воспитанников Академии художеств, часть воспитанников Губернской гимназии и Педагогического института.

Спешная подготовка северной столицы к отъезду носила всеобщий характер. Петербургские обыватели ещё с конца июля, когда французско-прусский корпус наполеоновского маршала Макдональда неожиданно появился под Ригой, принялись готовиться к худшему. Автобиографические секреты повести расшифрованы литературоведом В.С.Листовым. Он насчитал в тексте не менее дюжины имен второстепенных героев, так или иначе фигурировавших в послелицейской жизни поэта. Наконец имя чиновника Петра Гринева также встречалось поэту в Болдине, при вынужденно регулярном чтении бюллетеней о мерах борьбы с холерой. Самым важным умозаключением Листова следует признать «совпадение основного мотива драмы в диалогах Пушкина с Николаем и Гринева с Пугачевым» (2: 159). Имеются в виду вопросы о признании последнего «государем» и о возможном присутствии поэта на Сенатской площади 14 декабря. Оба, и Пушкин и Гринев спасают свою честь смертельно опасным, но правдивым ответом.

Наполеон для Европы и Пугачев для России

Итак, в памяти автора повести «Капитанская дочка» тулупчик для несостоявшейся эвакуации в Петрозаводск был прочно спаян с важнейшим событием того времени — нашествием Наполеона. Есть и ещё одна причина связать эту пружину со временем ученичества в лицее. Обратим внимание на дату, поставленную рукой Пушкина на беловом экземпляре повести: «19 октября 1836 г.». Эта дата — 25-летия лицейской годовщины — прямоком отсылает к началу обучения пушкинского курса в Царском Селе. Как известно, добрая половина времени их ученичества пришлась на войну 1812 года. А значит, в центре внимания юных лицеистов постоянно был главный «злодей», символ Отечественной войны — Наполеон Бонапарт.

Нельзя не согласиться с литературоведом В. А. Кошелевым, доказавшим, что в «Капитанской дочке» фигуру Пугачева Пушкин постоянно соотносит с тем, кого он в оде «Вольность»

(1817 г.) будет по-прежнему именовать «самовластительным злодеем». Разгульные налёты жестокого самозванца с уральско-башкирской окраины России в повести сознательно сопоставляются с нашествием на российскую столицу императора Наполеона. Циничная решительность, подкреплённая полководческим гением последнего, постоянно просвечивает на фоне откровенного авантюризма и бунтарской решимости Пугачева. И тот, и другой планировали войти в Москву. Только одному из них это удалось, а другого в первопрестольную привезли в кандалах. Примечательно также, что и в отношении другого существовало намерение доставки в столицу не иначе как в железной клетке. Однако маршал Ней не посмел выполнить обещание, данное королю Людовику. Наоборот, он вновь встал под трёхцветное знамя и до конца служил своему императору. Впрочем, и Пугачёва конвоировал не простой офицер, а генерал-поручик, будущий полководец А. В. Суворов.

Концепция В. А. Кошелева выстроена не на пустом месте. Ещё в 1813—1815 гг. в журнале «Сын Отечества» был опубликован цикл «Писем из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола. Отец будущих декабристов был современником и пугачёвщины, и нашествия «двунадесяти языков», поэтому не сомневался, что грядущие поколения «будут проклинать Наполеона-Пугачева». Эта инвектива подкреплена в последующих письмах высказыванием о синонимичности Наполеона для Франции, если не для всей Европы, и Пугачева для России. Правомерно ли вообще такое соотнесение? Неграмотный казак, имевший самое смутное представление об управлении государством, а с другой стороны — просвещённый республиканец, законно избранный императором, автор знаменитого Гражданского кодекса, по которому до сих пор живёт весь западный мир! Некоторые, в том числе и великий реформатор М. М. Сперанский ещё до лета 1812 г. симпатизировали Бонапарту (4: 137). В 1830-х гг. отношение к нему в России также сильно смягчилось, а в наши дни некоторые авторы необычайно высоко оценивают цивилизаторскую роль Бонапарта (5: 212), не исключая и события 1812 г. В этом ключе они рассматривают выигранные на пути к Москве сражения как вынужденно немирный путь распространения на завоеванную часть России прогрессивных принципов государственного устройства. От себя добавлю: возникает соблазнительное, но, увы, трудно доказуемое предположение. Появление Пугачева в качестве «вожатого», чутьём угадавшего правильную дорогу в дьявольском буране начинающегося восстания, есть зеркальное отражение обдуманых и взвешенных намерений «маленького капрала». Пугачёв собирался распространить на Москву свои представления о справедливом казачьем мироустройстве. Замыслы Наполеона принудить Александра I к миру, заставить его в полной мере выполнять условия континентальной блокады Англии и энергично, по примеру Франции, развивать импортозамещающие отрасли, тоже оказались несбыточными. Российский император не захотел подписывать, казалось бы, вполне своевременное предложение мира. Александр намеревался продолжать войну даже в случае отступления до Камчатки (4: 152).

Отечественность как ответственность перед потомками

Анализируя «Пропущенную главу» повести, В. А. Кошелев особенно выделяет фразу: «Не стану описывать нашего похода и окончания Пугачевской войны». И делает вывод: «Пушкин впервые определяет «пугачевщину» не понятием бунт, а понятием война. При этом используется притяжательное обозначение Пугачевская — то есть «субъективно» организованная война, война изначально «необщая», «не отечественная», следовательно ненужная...» (6: 307).

Остановимся на коннотации слов не отечественная и отечественная. Мы уже привыкли к устоявшемуся значению «отечественная» как всеобщая, народная. Однако в повести постоянно, как мне кажется, присутствует несколько иной смысловой оттенок отечественности — следование устоявшемуся миропорядку, выполнение сыновьего долга, верность присяге.

Это обнаруживается буквально с первых страниц текста: сержанта гвардии Петрушу отец своей властью отправляет в армию, причём в самое захолустье, чему сын даже и не помышляет перечить. Затем во сне он встаёт на колени под благословение умирающего отца, оказавшегося страшным чернобородым мужиком, то есть, будущим его покровителем, узурпировавшим права настоящего отца и вопреки воле последнего благословившим Петрушу на женитьбу. Пугачев называет своих «подданных» «детушками». И другая сторона в лице коменданта Белогорской крепости капитана Миронова так же величает своих солдат. Савельич обращается к Пугачёву со словами «отец родной», как это делают все пугачёвцы. Чаще всего они при этом лукавят, исподтишка верша самовластный суд и фактически отказывая своему атаману в праве именоваться «государем». Никто из молодых героев повести не смеет послушаться родителей, пренебречь их благословением. Всем «государевым послушникам» пугачёвцы грозят самой страшной карой. Когда же дело касается помещичьего наказания за провинность, физическое насилие над главарём бунтовщиков, «земским Андрюшкой», воспринимается как должное, как «отеческое», что в рукописи Пушкина даже выделено подчёркиванием. Причём это наказание в данном случае сочетается с великодушным прощением лубочных «рядовых бунтовщиков». То есть, лишь законный отец, несущий полную ответственность за долговременный порядок в общем доме, волен распоряжаться судьбой и в случае неповиновения, бесчестия и нарушения присяги карать подвластных ему «детей».

Никто другой, будь он хоть самым императором Франции и, тем более, лжегосударем Петром Федоровичем, не имеет права самовластно вершить суд и отнимать жизнь у людей, верных законам долга и чести. Убеждённость А. С. Пушкина в правомочности действий правительства во время Польского восстания 1831 г. многие из современников осуждали. Но и в том случае поэт объяснял свою позицию примерно так же: правом отца вершить суд в семейном споре.

С другой стороны, пушкинские симпатии к Наполеону и Пугачёву очевидны. На их стороне такие плюсы, как свобода выбора, смелость и удачливость, а главное — присущие неординарным натурам проявления достоинства и великодушия. Ответные жесты великодушия со стороны союзников России в отношении поверженного покорителя Европы впечатляют. Сначала ему в полное управление был предоставлен остров Эльба, населённый несколькими тысячами жителей, а также ежегодная пенсия в два миллиона франков. И даже после кровопролитного Ватерлоо последовала лишь ссылка на отдалённый маленький остров. Не есть ли этот акт гуманизма косвенное свидетельство если не оправдания, то осмысления причин «всеевропейского бунта» Наполеона? Пушкин таким же образом оценивал право Пугачёва на бунт, предполагая за его проявлением логическую цепь неотвратимых протестных выступлений и в недалёком будущем. В самой социальной основе жёсткого противостояния крепостных земледельцев и их «законных отцов», а также обид, чинимых инородцам и приписным крестьянам южного Урала, уже заключена неизбежность бунта. Только Пушкин допускает его вероятность не в виде очередной антидворянской резни, а при участии и даже главенствовании самого же дворянства. Пугачевские «енералы» и жестоко усмирённые ранее башкиры без колебаний отправляют всех представителей этого сословия на виселицу. Однако Пушкин не однажды напоминает читателю о двойственном отношении самозванца к гарнизонным офицерам и помещикам. Казачий атаман по своему «царскому» статусу просто обязан считать лояльных дворян социально близкими, такими же «детушками», как и его верные сподвижники из инородцев и казаков.

История создания повести свидетельствует, что первоначальный интерес Пушкина к Пугачёву был связан с феноменом участия офицерства в бунте 1773—1775 гг. В подцензурной повести образ дворянина-пугачёвца неминуемо расщепился на двух героев — Гринева и Шва-

брина. Приём наделения одного из них правами автора-рассказчика, апробированный Пушкиным в «Повестях Белкина», позволил воссоздать психологический портрет Пугачева с максимально близкого расстояния. Тем самым удалось сохранить для потомства художественный образ не мрачного злодея, но живого человека с его сложным внутренним миром и проявлениями широты души, бескорыстия, участия и благодарности.

Завершается повесть неожиданным проявлением великодушия уже со стороны законного «отца нации». Только на этот раз в означенной роли выступила «случайно встреченная» Машей женщина, которая подобно Пугачеву до поры скрывала свой царский статус. Пушкин с тонкой иронией буквально в двух словах описал её внешность. «Прелесть неизъяснимую» лица императрицы безусловно следует отнести на счёт Гринёва-рассказчика, причём характеристика эта опосредованная, со слов Маши. Сам Пушкин отметил лишь её «важность». Этим же словом, явно имеющим негативную коннотацию (можно привести многочисленные примеры из его поэтического творчества), часто характеризуется и сам Пугачев, наивно и недоверливо даже в глазах соратников игравший роль «Петра Федоровича».

Однако царственная важность Екатерины имеет силу лишь до определённой границы. История, рассказанная Машей, «случайно» угодила в болевую точку императрицы. Уж кто как не она знала цену нежным чувствам и в прямом, и в переносном смысле. Во времена Пушкина не было секретом, что Екатерина расплачивалась за любовь по-царски, и не только российской казной. За десять лет до пугачевщины, высказав желание выйти замуж за приглянувшегося фаворита, она молча проглотила жестокие, но справедливые слова Никиты Панина, воспитателя цесаревича: «Императрица может поступать, как ей угодно, но госпожа Орлова никогда не будет императрицей Российской». Точно по такой же причине уже во время разгрома восстания она не посмела провозгласить себя и «госпожой Потемкиной».

Скорее всего, история несчастных влюблённых, соотнесённая с собственной судьбой, и подвигла её на великодушный поступок. Таким образом, цепь случайных благодеяний, начавшаяся на степном постоялом дворе многозначным эпизодом с «петрозаводским тулупчиком», завершилась столь же спонтанным и в то же время художественно оправданным событием в финале повести.

Список источников и литературы

1. *Хамицевич Е. В.* Методика обучения развернутому ответу на вопрос при определении функции художественной детали в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / Е. В. Хамицевич // Вестник МГОУ. Серия «Педагогика». 2014. — С. 148—152.
2. *Листов, В. С.* Автобиографическое в «Капитанской дочке» / В. С. Листов // FILOLOGICA. — 2002. — Т. 7. — С. 145—166.
3. *Шкловский В. Б.* Избранное в 2-х томах. Т. 2 / В. Б. Шкловский. — Москва: Художественная литература, 1983. — 438 с.
4. *Тыркова-Вильямс А.* Жизнь Пушкина. Т. 1. / А. Тыркова-Вильямс. — Москва: Молодая гвардия, 1999. — 472 с.
5. *Валлоттон А.* Александр I / А. Валлоттон. — Москва: Прогресс, 1991. — 397 с.
6. *Никонов А. П.* Наполеон: Попытка № 2 / А. П. Никонов. — Москва: ЭНАС ; Санкт-Петербург: Питер, 2008. 376 с.
7. *Кошелев В. А.* Пушкин: история и предание / В. А. Кошелев. — Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. — 360 с.

Lyceum sheepskin coat 1812 — plot-forming detail of the story «The Captain's Daughter»

Nikolai Kut'kov

Independent Researcher, Local Historian
Petrozavodsk

Abstract:

The trigger of the plot of the story «The Captain's Daughter» by Alexander Pushkin is the story of a rabbit sheepskin coat. There is reason to assert that in this case Pushkin used a fact from his own biography. Documentary evidence of travel sheepskin coats, specially made for students of the Lyceum at the end of the summer of 1812, before the planned evacuation to the capital of the Olonets province, Petrozavodsk, was found. Also important is the date indicated by Pushkin's own hand on the original copy of the story: «October 19, 1836». The twenty-five-year Lyceum anniversary is a direct indication of the time when Alexander Pushkin and his comrades began training in Tsarskoe Selo and the events of 1812. Therefore, the idea of the story can be interpreted as a comparison of active actions during the Pugachev uprising and the invasion of Napoleon. Such parallels have already been drawn in Russian journalism after the Patriotic War of 1812—1814. Therefore, Pushkin's sympathies and antipathies in relation to the ambiguous image of the Cossack chieftain can be viewed against the background of his early and mature ideas about the equally ambiguous enlightened «autocratic villain» — the conqueror of Europe Napoleon.

Key words: A. S. Pushkin; the story «The Captain's Daughter»; plot detail; Pugachev; Napoleon; plot parallels